

Людмила Павловна Гарбуль

Вильнюсский университет

**Письменность Великого княжества Литовского
как источник лексических заимствований
в других славянских языках**

Проводимые нами исследования польского влияния на русский деловой язык первой половины XVII в., а именно на дипломатическую корреспонденцию Московского государства (далее МГ) по сношениям с западноевропейскими державами, показали, что польско-русские языковые контакты носили весьма сложный характер. Обнаружилось, что по отношению не только к этому периоду, но и к более длительному времени (XV–первая половина XVIII в.) можно говорить о *польско-восточнославянском языковом взаимодействии*.

Как показывают исследования разных авторов¹, а также наши наблюдения, в роли весьма активных посредников лексической интерференции в процессе сложных языковых контактов того времени выступали деловой язык Великого княжества Литовского (далее ВКЛ) и *простая мова* [см. Гарбуль 2009а; 2009б]. При этом объектом внимания исследователей становились в основном заимствования из польского языка в русский через посредство письменности ВКЛ. Однако данные, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что роль письменности ВКЛ не ограничивалась только посреднической функцией, поскольку при межславянских контактах языковое влияние было не односторонним, а обоюдным, что вполне естественно и неизбежно, особенно при взаимодействии генетически родственных языков. Поэтому канцелярский язык ВКЛ и *простая мова* выступали не только в роли посредников в польско-русских языковых контактах XV–XVII вв., но и *в качестве источников лексических заимствований как в русский, так и в польский языки*.

Специально на эту роль деловой письменности ВКЛ обратил внимание в 80-е гг. прошлого столетия венгерский славист А. Золтан, иссле-

довавший вопрос о взаимодействии в XV–XVI вв. восточнославянских деловых языков — западнорусского (ВКЛ) и великорусского — в области лексики и установивший, что “наряду с полонизмами ... вошли в русский язык также собственно западнорусские (украинские и/или белорусские) слова” [Золтан 1983, 342–343]. Он же высказал весьма актуальную и по сей день мысль о том, что, “хотя большинство лексических элементов, вошедших в русский язык в рассматриваемую эпоху из западнорусского, и является полонизмами ... представляется целесообразным поставить... исследование в план языкового взаимодействия в самом восточнославянском ареале” [Zoltán 1987, 6]. Соглашаясь с такой постановкой проблемы, мы, однако, хотели бы шире посмотреть на этот вопрос: имеющиеся у нас сведения позволяют говорить о том, что деловой язык ВКЛ и *простая мова* выступали в качестве доноров не только в восточнославянском, но и в западнославянском языковом ареале.

Итак, указанные языки в польско-русских языковых контактах XV–первой половины XVIII в. могли играть разные роли: языков-посредников или языков-доноров. По нашим наблюдениям, роль языка-донора письменности ВКЛ, по-видимому, была более скромной, чем первая. Возможно, именно поэтому данной проблеме до сих пор совершенно незаслуженно, на наш взгляд, уделялось значительно меньше внимания. Между тем “процессы диффузии слов играют не менее важную роль в истории языков, чем процессы преемственности слов из праязыка” [Шенкер 1983, 261], и наиболее полное выявление межславянских заимствований с точным, по возможности, установлением их источника важно как для верификации результатов реконструкции праславянского словарного фонда, так и для исторической лексикологии каждого из контактировавших славянских языков [см. Zoltán 1987, 103].

Прежде чем перейти к рассмотрению фактического материала, следует остановиться на самой общей характеристике письменных языков ВКЛ, выступавших в роли доноров в восточно- и западнославянском языковых ареалах. По поводу государственно-канцелярского языка ВКЛ в настоящее время существует до известной степени устоявшееся мнение (см. библиографию по этому вопросу: [Мозер 2002, 228–231; Мякишев 2008, 351–364]), поэтому коротко остановимся лишь на сущности понятия *простая мова*, до сих пор являющегося объектом дискуссий. По наиболее точному, на наш взгляд, определению, которое принадлежит австрийскому слависту М. Мозеру [2002, 221, 228], *простая мова*, выполнявшая в XVI–XVII вв. функцию одного из письменных языков белорусов и украинцев, “представляет собой литературно обработанную, надрегиональную разновидность белорусского и украинского языков среднего периода, возникшую на основе общего «русского» (= украинско-белорусского) делового языка”,

сложившегося в результате переделки древнего актового канцелярского языка юго-запада восточнославянских территорий, которыми после распада Киевской Руси завладело ВКЛ. *Простая мова* обладала всеми признаками литературного языка: полифункциональностью, определенной искусственностью, надрегиональностью, нормированностью, которая основывалась не на кодификации, а на узусе² [там же, 233–250]. Этот язык в XVI–XVII вв. использовался в функции литературного языка наряду с церковнославянским.

Подтверждением высказанных ранее соображений может служить история пяти лексем, анализируемых ниже. Заметим, что этот лексический материал обнаружился при исследовании, преследовавшем совершенно другие цели, тем показательнее представляется его выявление.

ВОЛОКА (2)* ж. Мера (или участок) земли, принятая в Великом княжестве Литовском и в Западной Руси (приблизительно 16,8–21 га): *По прежнему соймовому уложенью донять жолнеремъ заплаты 26 поборовъ, а одинъ поборъ съ волоки по злотому...* [АЮЗР 3, 399, 1649 г.]. *Владгль я сирота твой, по каралевской грамотъ, въ Могилевскомъ уездъ въ селъ Новоселкахъ Струбицкихъ двѣма волоки...* [АЮЗР 14, 396, 1654 г.].

Это существительное, известное в польском и восточнославянских языках, представляет собой производное с помощью темы *-а* от имеющего общеславянское распространение глагола, восходящего к праслав. **volčiti* ‘тащить, тянуть; волочить’, многократному глаголу от праслав. **velkti*, I л. ед. ч. **velkr* ‘то же’, с точными соответствиями в балтийских языках, и.-е. базой которого является **vel-k-*: **vol-k-* ‘то же’ [см. Воруз 2005, 705; Brückner 1974, 627; ЕСУМ 1, 420; ИЭССРЯ I, 157; Преображенский I, 94; Фасмер I, 342; Шанский I(3), 150, 152; ЭСБМ 2, 36, 42].

Приведенное значение лексемы *волока* со всей очевидностью указывает на то, что в русском языке мы, вероятнее всего, имеем дело с заимствованием из других восточнославянских языков. В письменности ВКЛ *волока* впервые отмечается в 1458 г., предположительно, в значении ‘багниста низина, мочар’, а с 1469 г. — и в значении ‘мера зямлі ад 16 да 30 дзесяцін’, ‘ділянка землі площею прыблізна 16,8 га, волока’, причем для XV в. характерны единичные употребления, более широкое распространение эта лексема получает в XVI в. и на протяжении XVI–XVII вв. довольно часто наблюдается в документах, язык которых в значительной степени полонизирован [ССМ XIV–XV ст. 1, 191; ГСБМ

* Здесь и далее цифра в скобках указывает на число употреблений анализируемой лексемы в наших материалах. В качестве иллюстраций приводятся не более трех употреблений. Усечение начала цитаты не отмечается.

4, 140–141; СУМ XVI–I пол. XVII ст. 4, 209; Тимченко 1, 112]. Заметим, что в XVI в. в письменных источниках ВКЛ параллельно с *волока* встречается и *влока* в том же значении, при этом последнее считается заимствованием из польского [Булыка 1972, 66; ГСБМ 4, 41]. Учитывая характер памятников, в которых во второй половине XV–XVI вв. регистрируется *волока*, можно предположить, что в старобелорусском и староукраинском языках мы имеем дело с лексическим заимствованием из польского с закономерной фонетической адаптацией.

В старопольских источниках *włoka*, *włóka* ‘miara powierzchni pola, używana głównie na Mazowszu, wynosząca około 30 morgów, też pole o tej powierzchni’ известно с начала XV в. (1400 г., 1404 г. и т. д.). В этом значении лексема бытовала и на протяжении XVI–XIX вв., однако форма *włoka* уже в XIX в. была малоупотребительна [SłSłp X, 261–262; Linde VI, 265; Karłowicz VII, 654, 660]. В польской лексикографии XX в. *włoka* ‘miara powierzchni gruntu ornego, wynosząca 30 morgów, tj około 16,8 ha’ снабжено пометой *daw.*, *włóka* ‘то же’ сопровождается комментарием *wychodzące z użycia* [SłSłp IX, 1169, 1179], а в словаре начала XXI в. это существительное имеет помету *hist.* [USłSłp 4, 473].

Что касается дальнейшей судьбы слова *волока* в украинском и белорусском языках, то оно фиксируется в словаре, отражающем украинский язык XIX в., в значении ‘въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Стародубскаго и Сосницкаго уу. участокъ, на которомъ нажинають отъ 80 до 100 копень ржи (слѣдовательно 8–10 десятинь)’ [Гринченко I, 292], а в современных белорусских (в закономерной форме *валóка*) и украинских (*волóка*) лексикографических источниках это существительное в интересующем нас значении либо снабжено пометой *уст.*, либо представлено как историзм [ТСБМ 1, 458; СУМ I, 729; ВТССУМ, 200].

В русском языке лексема *волока* в анализируемом значении регистрируется в письменности с 80-х гг. XVI в. В последней четверти XVI–XVII вв. она отмечалась в памятниках, язык которых испытал влияние польского и *простой мовы*, а также в документах, содержащих названия реалий Польши и ВКЛ, в актах, касающихся западных территорий Московии (со второй четверти XVII в.), и дипломатической переписке [СлРЯ XI–XVII вв. 3, 6; СОРЯ 2, 311]. Мы тоже обнаружили слово *волока* в рассматриваемом значении в дипломатической корреспонденции МГ первой половины XVII в. по сношениям с Польско-Литовским государством, точнее, с его юго-восточными землями. Затем находим это слово у В. Даля [I, 236] в значениях: 1) ‘извѣстн. мѣра земли’ (с пометами *стар.* и *занд.*) и 2) ‘выть, почти 20 десятинь’ (с пометой *нвгродск.*).

В современной русской лексикографии *воло́ка* фиксируется лишь в *Словаре русских народных говоров* [5, 52], где приводятся оба значения по словарю В. Даля, а также значение ‘мера земли ок. 20 га’ с пометами *новг.* и *Йонав. Лит. ССР, 1963 г.*

Сопоставление фактов по истории лексемы *волока* в контактировавших языках, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о том, что в последней четверти XVI в. это слово было заимствовано в русскую письменность из делового языка ВКЛ, где оно, возможно, является лексическим полонизмом. Кстати, в одном из лексикографических источников русского языка XIX в. отмечается лексический полонизм *волока* в том же значении, что и *волока* [Witkowski 2006, 25].

Говоря о заимствовании *волока* из делового языка ВКЛ, мы учитываем то, что здесь оно бытовало уже около полутора веков, было полностью ассимилировано и прочно укоренилось. Обращает на себя внимание тот факт, что в современной польской, украинской и русской³ лексикографии, в отличие от белорусской, анализируемое слово подается как многозначное, и это могло бы затемнить вопрос о происхождении лексемы, точнее, о характере ее заимствования, однако, поскольку наиболее раннее известное нам употребление лексемы *волока* зафиксировано в русских памятниках именно в исследуемом значении, это заимствование в любом случае следует считать лексическим.

ВЫПУСТОШИТИ (2) *сов.* Опустошить: *Недруга Турского, которой нашего Кралевства землю выпустошилъ, и съ помощью Вашей Любви противъ его стояти мочно* [ПДС 2, 780, 1601 г.]. *Самимъ вамъ въдомо, какъ Яков Пунтовъ**, выпустуша Московское государство и многуо казну у царя Василья взял...* [Сб. РИО 142, 297, 1612 г.].

Слово является префиксальным производным от глагола, образованного путем суффиксации от существительного, восходящего к праслав. **pustošъ* ‘незаселенная или заброшенная земля’ — суффиксальному деривату (суф. *-ošъ*) от имеющего общеславянское распространение и почти не имеющего прямых и бесспорных соответствий в других индоевропейских языках, кроме параллелей в балтийских языках, праслав. **rustъ(jь)* ‘покинутый’, ‘опорожненный’, ‘ненаполненный, незаполненный’, возводимому к и.-е. корню **račs-* (суф. *-t-* добавлен на славянской почве) ‘выпустить, пустить; отпустить’, ‘опорожнить’ [см. Boguš 2005, 504–505; Brückner 1974, 448; ИЭССРЯ II, 84–85; Pokorný I, 790; Преображенский II, 155; Фасмер III, 411; ЭСБМ II, 237].

В исследованиях по этимологии польского языка как по поводу *pustoszyć*, так и в отношении его префиксальных производных выска-

** Вариант текста (в сноске) при публикации памятника: *Пунтусъ с Немцы выпустоша...*

зываются следующие предположения: 1) возможно, *pustoszyć* представляет собой богемизм⁴ или украинизм [Bańkowski 2, 966], 2) вероятный источник *pustoszyć* и приставочных образований от него (*opustoszyć*, *spustoszyć*, *wspustoszyć*, *wypustoszyć*) — восточнославянские языки, поскольку префиксальные дериваты засвидетельствованы в XV в. преимущественно в документах, исходящих из Галицкой (Червонной) Руси [Boryś 2005, 504]. В отношении *pustoszyć* версия о восточнославянском происхождении на данный момент достаточно надежно подтверждается на основе хронологии: в древнерусском языке *пустошити* 'опустошать, разорять' было известно уже в XIII–XIV вв. [СлРЯ XI–XVII вв. 21, 56], а в письменности ВКЛ *пустошити* 'нищити, пустошити' регистрируется с последней четверти XV в. [ССМ XIV–XV ст. 2, 276; ГСБМ 29, 368], тогда как в старопольском языке этот глагол выявляется не ранее второй половины XVI в. [Bańkowski, там же; Boryś, там же; Karłowicz V, 439–440]. Что касается происхождения префиксальных производных, то здесь дело обстоит сложнее, поскольку каждое из них заслуживает отдельного анализа. В данной статье остановимся на одном производном — глаголе *выпустошити*, обнаруженном нами в дипломатической корреспонденции начала XVII в. по сношениям МГ со Священной Римской империей, а также с Польшей и ВКЛ.

В русских памятниках письменности *выпустошити* 'опустошить' впервые засвидетельствовано в середине 60-х гг. XVI в. в документе, составленном на северо-западной территории МГ, а остальные фиксации, приводимые в историческом словаре, приходится на деловые акты первой половины XVII в. из центральных земель Московии, в частности из Шуи, разоренной в 1609 г. и в 1619 г. пришельцами из Польско-Литовского государства [СлРЯ XI–XVII вв. 3, 240]. Интересно, что уже через полстолетия после первого зафиксированного употребления этот глагол появляется в памятниках, созданных в Сибири [СРНДРС, 27]. В *Словаре русского языка XVIII века* [5, 14] он представлен единственной иллюстрацией из памятника *Слово и дело государевы*. У В. Даля *выпустошити* снабжено пометой *пск.* [I, 309], в *Словаре русских народных говоров* это слово приводится со ссылкой на В. Даля [СРНГ 5, 336]. В лексикографических источниках современного русского литературного языка эта лексема не фиксируется.

В деловой письменности ВКЛ *выпустошити* 'спустошити' впервые регистрируется в 1433 г. [ССМ XIV–XV ст. 1, 220]. Однако более широкое распространение этот глагол в значениях 'спустошыць (цалкам, дашчэнту)' и 'вынішчыць, забіць' получает в документах первой половины XVI в., а в более позднее время — также в текстах на *простой*

мове [ТСБМ 6, 49; СУМ XVI–I пол. XVII ст. 6, 7]. Для украинского языка история слова далее XVII в. пока не прослеживается, тогда как в белорусском языке *выпусташиць* в значении ‘опустошить до основания, искоренить’ продолжало бытовать и в XIX в. [Носовичь 1870, 92]. В словаре белорусского языка XX столетия *выпусташыць* представлено в следующих значениях: ‘разм. зрабіць пустым; апаражніць’, ‘перан. пазбавіць маральнай, творчай сілы’ и ‘перан. пазбавіць жывога зместу, галоўнага, самага істотнага (у вучэнні, тэорыі і пад.)’ [ТСБМ 1, 567].

В старопольском языке единственное употребление *wypustoszyć* в текстах XV в. датируется 1470 г. [SłStp X, 354]. Последующие случаи фиксации глагола в интересующем нас значении, по современным данным, относятся ко времени не ранее середины–второй половины XVI в., и именно с этого времени он входит в более широкое употребление, продолжая бытовать и в XVII–XIX вв. [Linde VI, 470; Karłowicz VII, 997]. В словаре польского литературного языка XX в. *wypustoszyć* ‘zabrać skąd wszystko zostawiając pustkę; wypróżnić, ogołocić; usunąć skąd wszystko, zniszczyć’ уже сопровождается пометой *rzad.* [SłJP X, 182], а в лексикографических источниках начала XXI в. эта лексема вообще не регистрируется.

Как представляется, изложенные выше факты подтверждают версию о том, что как *pustoszyć*, так и *wypustoszyć*, действительно, проникли в польский язык из делового языка ВКЛ, а затем, вероятно, из того же источника, а также из текстов на *простой мове* глагол *выпусташити* попадает и в русскую письменность. Это подтверждается хронологией и характером памятников, в которых употреблялся анализируемый глагол.

ВЫРАЗУМѢТИ, ВЫРАЗУМЕТИ (21) *сов.* Понять что-л. вполне, постигнуть умом, уразуметь; узнать, выяснить: *И Цесарское Величество то выразуметь, что то великое дѣло, какое изначала не бывало...* [ПДС 2, 701, 1599 г.]. *Приходили есте к нам от в. г. своего и в. к. Василья Ивановича в. Р. в посланникех і которые рѣчи говорили есте намъ на посольстве, и мы тѣ рѣчи у вас выслушали и выразумѣли* [Сб. РИО 137, 354, 1606–1607 гг.; там же, 465, 560, 1607–1608 гг.]. СГД 2, 592(280), 1612 г.; ПА, 252/221/, 1613–1614 гг.; Сб. РИО 142, 672, 1615 г.; Якубов 1897, 27, 1617 г.; ЭСРШ, 17(2), 1618 г.; РИБ 16, 559, 566 (112), 1622 г.; ЭСРШ 44(12), 1630 г.; РШЭО, 67(34), 1630 г.; ЭСРШ 59(31), 1634 г.; РИБ 16, 699(136), 1639 г.; Рогинский 1959, 67/110/, 1646 г.; ПСЗ 1, 211(19), 1647 г.; РШЭО, 163(104), 1649 г.; Якубов 1897, 176, 1649 г.; АЮЗР 3, 276, 1649 г. *И по тому выразуметь мочно, что он, Хмельницкой, хочет, сложась с татари, злохитрствовать над Московским государством* [ВУР 3, 46(16), 1651 г.].

Анализируемая лексема образована путем префиксации от имеющего общеславянское распространение глагола, восходящего к праслав. **orzuměti* ‘появлять, постигнуть; уразуметь’, ‘узнать; познать’, сложению префикса **orz-* (с возможной и.-е. базой **er-dh-*: **or-dh-*, конечное -z, вероятно, под влиянием других предлогов-приставок, напр., **bezь*, **izь*, **perzь*, **vьzь*), означающего разъединение, уничтожение и т.п., а в этом случае — отличительную способность мышления, с **uměti*, 1 л. ед. ч. **umějō* ‘уметь; знать’, ‘суметь, смочь’, производного от праслав. **umь* ‘ум; разум’, продолжающего и.-е. **u-* то ‘разум, интеллект’, ‘инстинкт’ с корнем **u-* ‘воспринимать органами чувств’, ‘повимать’ [см. Bogúš 2005, 520, 523, 666; Brückner 1974, 594; ИЭССРЯ II, 289–290; ЭСБМ II, 175].

До сих пор считалось, что наиболее ранняя фиксация *выразумьти* в русской письменности относится к 1646 г. (памятник *Донские дела*) [СлРЯ XI–XVII вв. 3, 241]. По нашим данным, этот глагол используется в русской дипломатической корреспонденции уже с конца XVI–начала XVII в. и в первой половине XVII в. отмечается в таких источниках довольно часто. Причем в одной трети случаев это документы, отражающие контакты МГ непосредственно с Польско-Литовским государством (1606–1607 гг., 1607–1608 гг., 1615 г., 1647 г., 1649 г., 1651 г.), примечательно, что и в переписке Московии со Священной Римской империей (1599 г.), Англией (1613–1614 гг.), Швецией (1617 г., 1630 г. (2 раза), 1649 г.) также затрагиваются отношения двух указанных выше субъектов. Кстати, в *Словаре русского языка XI–XVII вв.* приводятся иллюстрации в основном из источников такого же рода. *Выразумьть*, *выразуметь* входило в активный лексический фонд русского языка и в XVIII–XIX вв. [САР I, 939; Даль I, 310], но уже без оттенка значения ‘узнать, выяснить’, который в *Словаре русского языка XVIII века* имеет помету *выходящее из употребления* [СлРЯ XVIII в. 5, 17, 21]. Интересно, что в первой четверти XVIII в. это слово наблюдалось также в памятниках, созданных в Сибири [СРНДРС, 27]. В словарях современного русского языка *выразуметь* ‘понять что-л. вполне, постигнуть умом; уразуметь’ снабжено пометой *устар.* [БАС 3, 538; ССРЛЯ II, 839].

Достаточно позднее появление интересующей нас лексемы в русской письменности (притом, что мотивирующий глагол *разумьти*, *розумьти* регистрируется уже с XI в.⁵), а также характер источников с ранней ее фиксацией наводит на мысль о возможном межславянском заимствовании.

В старобелорусском деловом языке первой половины XVI в. (1505 г., 1533 г. (дважды), 1537 г., 1539 г. и др.) лексема *вырозумьти*, *вырозумети* засвидетельствована в значении ‘эразумець, уразумець, асэнсаваць’,

в котором она продолжала бытовать и в *простой мове* второй половины XVI–XVII вв. [ГСБМ 6, 79–80; Тимченко 1, 152]. В староукраинских деловых актах несколько позднее, однако тоже с первой половины XVI в. *вырозумѣти* отмечено в значениях ‘зрозуміти, збагнути’ (1533 г., 1545 г. и др.) и ‘довідатися, зрозуміти (що)’ (1538 г., 1539 г., 1541 г. и др.) [СУМ XVI–I пол. XVII ст. 6, 24–25]. Кстати, последнее значение было характерно для рассматриваемого глагола только в восточнославянских языках (см. выше), в нем он в *простой мове* употреблялся еще в первой половине XVII в. [СУМ XVI–I пол. XVII ст. 6, 25]. В текстах на *простой мове* конца XVI–первой четверти XVII в. фиксируется и *выразумети* в том же значении, что и *вырозумѣти*, *вырозумети*, бытовавшее до конца XVII в. [ГСБМ 6, 63]. Кроме того, в письменности ВКЛ с середины XVI в. регистрируется имперфект *вырозумевати* ‘разумець, уразумяваць’, *выразумѣвати* ‘(усвідомлювати смисл чогось) розуміти’ (с 1625 г.), история которого ограничивается XVII веком [ГСБМ 6, 78; СУМ XVI–I пол. XVII ст. 6, 15]; единственный же случай использования его в русской письменности датируется началом XVIII в. [СлРЯ XVIII в. 5, 17]. Далее находим *вірозуміти* ‘понять уразуметь’ в словаре, отражающем украинский язык XVIII–XIX вв. [Грінченко I, 225], в современных украинских лексикографических источниках этот глагол снабжен пометой *рідко* [СУМ I, 475; ВТССУМ, 149]. В белорусском же языке судьба этой лексемы после XVII в. уже не прослеживается.

Поскольку в одном из исторических словарей украинского языка *вырозумѣти* сопровождается комментарием *пл. wyrozumieć* [Тимченко 1, 152], попытаемся проследить историю глагола в польском языке. Здесь *wyrozumieć*, *wyrozumiewać* в значениях ‘uwzględnić, okazać względy, mieć względy; okazać wyrozumiałość’ и ‘pojąć, zmiarkować, zrozumieć’, по имеющейся на данный момент информации, известно с 60–х гг. XVI в. и употреблялось на протяжении XVII–XIX вв. [Reczek 1968, 587; Linde VI, 479; Karłowicz VII, 1011]. В словарях польского языка второй половины XX в. *wyrozumieć*, *wyrozumiewać* в первом из приведенных выше значений имеет помету *daw.*, а во втором — помету *wychodzące z użycia* [SłJP X, 205], в лексикографических источниках последней четверти XX–начала XXI в. этот глагол уже отсутствует.

Таким образом, история исследуемого глагола в польском языке пока не подтверждает мнения о заимствовании, во всяком случае, формы перфекта из польского языка в письменность ВКЛ. Более того, сопоставление приведенных выше данных, по нашему мнению, дает определенные основания для того, чтобы считать интересующий нас глагол

лексическим заимствованием из делового языка ВКЛ и *простой мовы* как в польском, так и в русском письменном языке XVI–XVII вв. (по крайней мере, до тех пор, пока не появятся новые данные, которые могли бы существенно удревнить хронологию рассматриваемого глагола в этих языках по сравнению со временем его регистрации в письменности ВКЛ).

НАРУШИВАТИ (9) *несов.*, многократн. глаг. от **НАРУШИТИ** *сов.*
Преступать, не соблюдать что-л. установленное, условленное; поступать вопреки чему-л.: *И то дгьло в рубежахъ довершити; а тгьми дгьлы перемирья не нарушивати и не розривати* [Сб. РИО 137, 71, 1600–1601 гг.]. РИБ 16, 403(95), 1606 г.; Сб. РИО 137, 243, 249, 322, 1606–1607 гг.; там же, 433, 435, 1607–1608 гг. *А к Неметцкимъ ... людемъ ... яз от себя писал же, чтоб они ... прежние своей правды, которую за них за всьхъ дал ... гетману ... Желтовскому ... Яков Пунтусов, не нарушивали, из Ладogi вышли и вашей земли не воевали и не пустошили* [Сб. РИО 142, 121, 1610 г.; там же].

Лексема образована суффиксальным способом от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **rušiti* (корень **ruš-* < **ruch-* < **ročs-*) ‘двигать; шевелить’, ‘разрушать’, ‘нарушать; беспоконить’, вероятнее всего, производному от несохранившегося праслав. **rusti* ‘рыть, копать’, ‘шевелить; переворачивать (напр., землю)’, которое имеет точные соответствия в балтийских языках и возводится к и.-е. базе **reuz-s-*: **roč-s-*: **ruš-s-* (с расширителем *-s-*), выражающей разнообразные значения, связанные с идеей движения или стремления [см. Boguš 2005, 528; Brückner 1974, 466–467; ЕСУМ 5, 150; ИЭССРЯ II, 129, 131; Преображенский II, 227–228; Фасмер III, 525; ЭСБМ 11, 224].

До сих пор появление лексемы *нарушивати* в русских письменных источниках относили к 60-м гг. XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв. 10, 226]. Однако мы обнаружили его в дипломатических документах начала XVII в., отражающих контакты Московии с Польшей и ВКЛ. В *Словаре русского языка XVIII века* [14, 29] этот глагол в интересующем нас значении представлен единственной иллюстрацией первой четверти XVIII в., и после этого времени его судьба для русского литературного языка не прослеживается, хотя в диалектах Ярославской и Пермской областей *нарушивать* отмечается в значении ‘резать, нарезать хлеб, мясо и т.д.’ [СРНГ 20, 140].

Попытаемся проследить судьбу этой лексемы в славянских языках, наиболее активно контактировавших в XVI–XVII вв., учитывая при этом характер памятников, в которых она была выявлена впервые. В деловой

письменности ВКЛ *нарушивати, нарушевати, нарушывати* в значении 'не захоўаць, пераступаць што-н.; парушаць' [ГСБМ 19, 273] известно с конца XV в. и активно бытовало до начала XVII в.. Однако более позднее использование анализируемого глагола ни в источниках белорусского, ни в памятниках украинского языка, а также в лексикографии этих языков обнаружить пока не удалось. Что касается польского языка, то в XIX в. в говорах регистрировалось *paruszcować* в следующем контексте: "Będę twoje serce paruszcował" [Karłowicz III, 152; SłGP 3, 262]. Какой-либо другой информацией о бытовании этого глагола в польском языке мы в настоящее время не располагаем.

Приведенные выше факты, по нашему мнению, позволяют выдвинуть версию о том, что, по крайней мере, в русский письменный язык начала XVII в. *нарушивати*, вероятнее всего, попало из письменных источников ВКЛ.

НАРУШИТИСЯ (3) *сов.* Оказаться невыполненным, несоблюденным (о чем-л. условленном, установленном); прекратиться, прерваться (о связях, контактах, отношениях и т.п.): *И намъ больши того дѣлать нельзя: только намъ не такъ дѣлать, и то все прежнее поведенье, как изначала велось у великихъ государей нашихъ, и то нарушитца нами* [Якубов 1897, 3, 1616 г.]. *Свѣйскихъ де посолскихъ людей хотѣли литовскіе люди скрасть, и послыша де то свѣйскіе послы убереглись, на съгъздъ к намъ не погъхали; и то у нихъ перемирье нарушилось* [там же, 43, 1618 г.]. *И такое несхожее дѣло о новыхъ рубежахъ ... оставилъ чтобъ за то межъ нашего царского величества и вашего королевского велеможества дружба и любовь не нарушилась* [РИБ 16, 544(107), 1620 г.].

Нарушиться представляет собой постфиксальный дериват от *нарушити* (о его происхождении см. выше, с. 88, а также ЭССЯ 23, 20–21).

До сих пор считалось, что анализируемая лексема появляется в русских письменных источниках со второй половины 40-х гг. XVIII в., видимо, поэтому в *Словаре русского языка XVIII века* [14, 30] она снабжена пометой *новое слово*. Однако мы трижды обнаружили *нарушиться* в дипломатической переписке МГ со Швецией и Данией в первой четверти XVII в., причем в документах по связям со Швецией (1616 г., 1618 г.) много внимания уделяется и отношениям первого субъекта с Польско-Литовским государством. Эти данные позволяют говорить по меньшей мере о предыстории рассматриваемой лексемы в русском языке. Начиная со второй половины XVIII в. глагол *нарушиться* входит в активное употребление [САР III, 1182; Даль II, 464], и до настоящего времени он

бытует в русском литературном языке в значениях 'прекратиться, превратиться' и 'оказаться невыполненным, несоблюденным' [БАС 11, 341].

Учитывая характер памятников, в которых впервые выявлено *нарушиться*, а также то, что мотивирующий его глагол *нарушить* в соответствующем значении квалифицируется как полонизм в русском языке [Witkowski 2006, 117], попытаемся проследить историю анализируемого глагола в письменных источниках ВКЛ и польском языке.

В письменности ВКЛ *нарушиться* впервые встречается в конце XV в. в повести *Пакуты Хрыста* (перевод с польского языка) [ГЛБМ, 92; ГСБМ 19, 275], его значение можно сформулировать как 'наполниться, проникнуться отрицательными эмоциями'. Поскольку в ГСБМ значение лексемы, на наш взгляд, определено неточно, мы приводим его в своей формулировке, опираясь на иллюстративный материал из этого источника.

В интересующем же нас значении этот глагол засвидетельствован в документах ВКЛ со второй четверти XVI в. (1538 г., 1551 г.) и довольно часто отмечается в текстах на *простой мове* второй половины XVI–XVII вв., но в памятниках первой половины XVIII в. он наблюдается уже реже [ГСБМ 19, 274]. Далее судьба исследуемой лексемы ни для белорусского, ни для украинского языка не прослеживается.

В польских же источниках постфиксальный глагол *naruszyć się* регистрируется позднее, чем в письменности ВКЛ — лишь с конца 50-х — начала 60-х гг. XVI в.: 'ulec zepsuciu, uszkodzeniu; osłabnąć: o zdrowiu i ciele ludzkim (1558 г.); o abstraktach (1560 г.); o prawach, przymierzach i tp.: złamać się (1561 г.)' и 'rozgniewać się (1558 г.)'; судя по тому, что в иллюстративном материале исторического словаря приведен единственный пример употребления глагола во втором значении, в XVI в. он, вероятно, чаще употреблялся в первом значении [ŚlP XVI, XVI, 198–199; Linde III, 255]. Что касается дальнейшей истории лексемы в польском языке, то в первом значении ее бытование ограничивается концом XVI — началом XVII в., а во втором — первой четвертью XVII в. [Reczek 1968, 231; Karłowicz III, 153]. В современной польской лексикографии это слово уже не фиксируется.

Приведенные данные из истории глагола *нарушиться* в восточнославянских и *naruszyć się* в польском языке, по нашему мнению, дают определенные основания для того, чтобы рассматривать его в последнем как лексическое заимствование из письменных источников ВКЛ⁶. При этом мы опираемся на хронологию, степень распространенности и продолжительность бытования лексемы в деловом языке ВКЛ и *простой мове* по сравнению с польским языком. Однако зафиксированный

в письменности ВКЛ тот же глагол *нарушитися* в значении 'падарвацца, ослабець (аб здароўі)', опираясь на указанные выше критерии, следует, видимо, считать уже семантическим полонизмом (ср. сведения в [ГСБМ 19, 274 и S1PXVI, XVI, 198–199]). Что касается русского письменного языка, то сюда *нарушитися* в первой четверти XVII в. могло проникнуть как непосредственно из делового языка ВКЛ и *простой мовы*, так и благодаря возможному польскому посредничеству. Если не удастся обнаружить случаев употребления этого глагола в памятниках русской письменности второй половины XVII–первой четверти XVIII в., то тогда следует, очевидно, говорить о повторном заимствовании уже непосредственно из *простой мовы*, а выявленные нами фиксации рассматривать как предысторию слова в русском языке.

На основании анализа представленных выше лексем можно сделать некоторые обобщающие выводы:

1. Все рассмотренные лексем являются внутриславянскими дериватами, что еще раз подтверждает высказывавшееся нами ранее мнение о возрастании интенсивности межславянских языковых контактов в XV–XVII вв. [см. Гарбуль 2009а, 33–34, 423–424]. Материалы данной публикации свидетельствуют к тому же о том, что в результате этих контактов осуществлялось не только одностороннее влияние одного языка на другой [см. Гарбуль 2009а], но и взаимное воздействие контактировавших языков друг на друга, проявление которого обычно тем сильнее, чем большая степень родства между языками.
2. Слова *волока*, *выпустошити*, *выразумѣти/выразумети*, *нарушивати*, *нарушитися*, по нашему мнению, в русском письменном языке XVI–XVII вв. являются лексическими заимствованиями из делового языка ВКЛ и/или из *простой мовы*; из того же источника, очевидно, проникли в польский язык XV–XVI вв. *wypustoszyć*, *wyrozumieć*, *naruszyć się*. Эти данные позволяют говорить о том, что в польско-восточнославянских языковых контактах XV–XVII вв. письменность ВКЛ выступала не только в роли активного посредника, но и в качестве донора для других языков, участвовавших в этих контактах.
3. Для лексем *выразумѣти/выразумети*, *нарушивати*, *нарушитися* была существенно удревнена хронология в русском письменном языке, а, как известно, именно этот критерий играет очень важную роль в установлении направления влияния при контактировании генетически родственных языков.
4. Что касается дальнейшей судьбы интересующих нас лексем в контактировавших языках, то в русском литературном языке про-

должает бытовать лишь *нарушиться*, а слово *воло́ка* отмечалось еще во второй половине XX в. в русских говорах Литвы. История глаголов *выпустошити*, *выразумѣти/выразумети* для русского языка ограничивается XIX в., а *нарушивати* в анализируемом значении — первой половиной XVIII в. В белорусском языке из всех рассмотренных нами лексем продолжает употребляться лишь *вѣпусташыць*, которое в значении, близком к исследуемому нами, является уже принадлежностью разговорного стиля речи, но входит в активный словарь в новых переносных значениях. В украинском языке сохранилось только *вѣрозуміти*, однако в настоящее время это слово используется редко. До современного же польского языка не дошла ни одна из рассматриваемых лексем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор работ по этому вопросу см.: [Гарбуль 2009а, 44–58].

² Другие мнения по различным аспектам проблемы *простой мовы* см.: [Brogi Vercoff 1999, 11–21; Успенский 1994, 69; 2002, 387–392].

³ За исключением подачи этого слова в СОРЯ [2, 311], где рассматриваемое употребление представлено как основное значение самостоятельной лексемы, а не как одно из значений многозначного слова.

⁴ Сведениями об истории этого слова в старочешском языке, которые могут подтвердить или опровергнуть эту версию, мы на данный момент не располагаем.

⁵ *Разумь, разумѣти* было заимствовано еще в древнерусский язык из церковнославянского вместо исконного *розумь, розумѣти* [Фасмер III, 435; Rejzek 2001, 548; СлРЯ XI–XVII вв. 21, 249–251; там же, 22, 209]. Кстати, в старославянском языке глагол *razoumъiti* во всех своих употреблениях мог иметь значение как перфекта, так и имперфекта, то же было характерно и для большей части значений *разумѣти, розумѣти* в древнерусском языке [СС, 573; Срезневский III, 160; СлРЯ XI–XVII вв. 21, 253–255]. Таким образом, не было крайней необходимости в префиксальном перфекте.

⁶ Этому, казалось бы, может противоречить тот факт, что в польском языке наблюдалось *naruszyć* в значении 'obrazić, rozgniewać' [SIPXVI, XVI, 198], тогда как в письменности ВКЛ глагол *нарушити* в этом значении пока не выявлен. Однако, поскольку *naruszyć* в указанном выше значении представлено в историческом словаре польского языка всего двумя употреблениями 1577 г. и 1594 г. [там же], его, учитывая хронологию, следует, видимо, трактовать как обратное образование (ре-деривацию) от *naruszyć się* 'то же'.

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

- АЮЗР = *Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею*, т. 3, 14. Санкт-Петербург, 1861, 1889.
- ВУР = *Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы*, т. 3. Москва, 1953.
- ПА = *Посольская книга по связям России с Англией 1613–1614 гг.* Под ред. и с предисловием В.И. Буганова. Подготовка текста и вступительная статья Н.М. Рогожина. Москва, 1979.
- ПДС = *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными*, т. 2. Санкт-Петербург, 1852.
- ПСЗ = *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое*, т. 1. Санкт-Петербург, 1830.
- РИБ = *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею*, т. 16. Санкт-Петербург, 1897.
- Рогинский З.И., 1959: *Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645–1646 гг.* Ярославль.
- РШЭО = *Русско-шведские экономические отношения в XVII в.* Сборник документов. Москва–Ленинград, 1960.
- Сб. РИО = *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государствам*, т. 4 (1508–1608 гг.), т. 5 (1609–1615 гг.). Сборник Русского Исторического Общества, т. 137, 142. Москва, 1912, 1913.
- СГТД = *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел*, ч. 2. Санкт-Петербург, 1819.
- ЭСРШ = *Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в.* Документы из советских архивов. Москва–Стокгольм, 1978.
- Якубов = Якубов К., 1897: *Россия и Швеция в первой половине XVII в.*: Сборник материалов. Москва.

ЛИТЕРАТУРА

- БАС = *Большой академический словарь русского языка*. Гл. ред. К.С. Горбачевич, т. 3, 11. Москва–Санкт-Петербург, 2005, 2008.
- Булыка А.М., 1972: *Даўня запазычанні беларускай мовы*. Мінск.
- ВТССУМ = *Великий тлумачальний словник сучасної української мови*. Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. Київ–Ірпінь, 2005.
- Гарбуль Л., 2009а: *Семантические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века*. Вильнюс.
- Гарбуль Л.П., 2009б: „Простая мова“ как проводник польского влияния на русский приказный язык второй половины XVI–первой половины XVII в., *Slavistica Vilnensis 2005–2009* (Kalbotyta, 54(2)). 192–198.

- ГЛБМ = Баханькоў А.Я., Жураўскі А.І., Суднік М.Р. (рэд.), *Гістарычная лексікалогія беларускай мовы*. Мінск, 1970.
- Грінченко Б., 1924: *Словарь української мови. Українско-руський словарь*, т. I. Берлін.
- ГСБМ = *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, вып. 4, 6, 19, 29. Мінск, 1984, 1985, 2000, 2009.
- Даль В., 1978, 1979: *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I–II. Москва.
- ЕСУМ = *Етимологічний словник української мови*, т. 1, 5. Київ, 1982, 2006.
- Золтан А., 1983: Некоторые аспекты польско-восточнославянских языковых контактов в области лексики (К вопросу о полонизмах в посланиях Ивана Грозного к Стефану Баторио), *Hungaro-Slavica*. Budapest, 333–444.
- ИЭСРЯ = Черных П.Я., *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. I–II. Москва, 1999.
- Мозер М., 2002: Что такое „простая мова“?, *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 47(3/4). 221–260.
- Мякишев В., 2008: *Язык Литовского Статута 1588 года*. Kraków.
- Носовичь И.И., 1870: *Словарь бѣлорусскаго нарѣчія*. Санкт-Петербург.
- Преображенский А.Г., 1959: *Этимологический словарь русского языка*, т. I–II. Москва.
- САР = *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*, ч. I, III. Санкт-Петербург, 1806, 1814.
- СлРЯ XI–XVII вв. = *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 3, 10, 21, 22. Москва, 1975, 1983, 1995, 1997.
- СлРЯ XVIII в. = *Словарь русского языка XVIII века*, вып. 5, 14. Ленинград/ Санкт-Петербург, 1989, 2004.
- СОРЯ = *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков*, вып. 2. Санкт-Петербург, 2006.
- Срезневский И.И., 1903: *Матриалы для словаря древнерусского языка*, т. III. Санкт-Петербург.
- СРНГ = *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф.П. Филин, вып. 5, 20. Ленинград, 1970, 1982.
- СРНДРС = *Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII–первой половины XVIII в.* Сост. Л.Г. Панин. Новосибирск, 1991.
- СС = Благова Э., Вечерка Р., Цейтлин Р.М. (ред.), *Старославянский словарь по рукописям X–XI вв.* Москва, 1999.
- ССМ XIV–XV ст. = *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.*, т. 1–2. Київ, 1977–1978.
- ССРЛЯ = *Словарь современного русского литературного языка*: В 20 т. Издание второе, переработанное и дополненное, т. II. Москва, 1991.
- СУМ = *Словник української мови*, т. I. Київ, 1970.
- СУМ XVI–I пол. XVII ст. = *Словник української мови XVI–першої половини XVII ст.*, вип. 4, 6. Львів, 1997, 1999.

- Тимченко Є.К., 2002: *Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст.* Підготували до видання В.В. Німчук та Г.І. Лиса, кн. 1. Київ–Нью-Йорк.
- ТСБМ = *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*, т. 1. Мінск, 1977.
- Успенский Б.А., 1994: *Краткий очерк истории русского литературного языка.* Москва.
- Успенский Б.А., 2002: *История русского литературного языка (XI–XVII вв.).* Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Москва.
- Фасмер М., 1964, 1971: *Этимологический словарь русского языка.* Пер. и доп. О.Н. Трубачева, т. I, III. Москва.
- Шанский Н.М., 1968: *Этимологический словарь русского языка*, т. I (3). Москва.
- Шенкер А., 1983: Главные пути лексических заимствований в славянских языках (на материалах чешского, польского и восточнославянских языков X–XVI вв.), in *American Contributions to the LXth International Congress of Slavists*, vol. I: *Linguistics*. Columbus, Ohio: *Slavica*, 255–267.
- ЭСБМ = *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, т. 2, 11. Мінск, 1980, 2006.
- ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков*, вып. 23. Москва, 1996.
- Wańkowski A., 2000: *Etymologiczny słownik języka polskiego*, т. 2. Warszawa.
- Voryś W., 2005: *Słownik etymologiczny języka polskiego.* Kraków.
- Vrogi Bergoff G., 1999: О языковой ситуации в Великом княжестве Литовском и в России (конец XVI–начало XVIII века), *Studia Russica* (Budapest), XXII. 11–21.
- Brückner A., 1974: *Słownik etymologiczny języka polskiego.* Warszawa.
- Karłowicz = *Słownik języka polskiego* pod redakcją J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego, т. III, V, VII. Warszawa, 1904, 1912, 1919.
- Linde S.B., 1809, 1814: *Słownik języka polskiego*, т. III, VI. Warszawa.
- Pokorny J., 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. I. Bern.
- Reczek St., 1968: *Podręczny słownik dawnej polszczyzny.* Wrocław–Warszawa–Kraków.
- Rejzek J., 2001: *Český etymologický slovník.* Brno.
- SŁGP = Karłowicz J., *Słownik gwar polskich*, т. 3. Kraków, 1903.
- SŁP = *Słownik języka polskiego*, т. IX, X. Warszawa, 1967, 1968.
- SŁPXVI = *Słownik polszczyzny XVI wieku*, т. XVI. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź, 1985.
- SłStp = *Słownik staropolski*, т. X. Kraków, 1988–1993.
- USŁP = *Uniwersalny słownik języka polskiego.* Pod red. S. Dubisza, т. 4. Warszawa, 2003.
- Witkowski W., 2006: *Słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim.* Wyd. II rozszerzone. Kraków.
- Zoltán A., 1987: *Fejezetek az orosz szókincs történetéből — Из истории русской лексики.* Budapest.

LIUDMILA PAVLOVNA GARBUL

**The Written Languages of the Great Duchy of Lithuania as a Source
of Lexical Loan-words in the Other Slavonic Languages**

The article examines the history of the following words found in Russian chancery language (diplomatic correspondence) of Muscovite Russia of the first half of the 17th century: *voloka* 'lot and land measure (about 16,8–21 hectare) in the Great Duchy of Lithuania and in the West part of Muscovite Russia', *vypustoŭyti* 'devastate', *vyrazumeti* 'understand, comprehend; clear up, get to know', *naruŭyvati* 'break' and *naruŭytisia* 'be/get broken'. The author aims at proving that these intraslavonic derivatives are interslavonic lexical loan-words from the written languages of the Great Duchy of Lithuania in the other Slavonic languages: Polish (*wypustoszyć, wyrozumieć, naruszyć się*) and Russian (*voloka, vypustoŭyti, vyrazumeti, naruŭyvati, naruŭytisia*) and retraces further fate of these words in all contacting languages.